

ДПП(м)

книга

Москва - Новости - 2003 - 22 сент. - с. 25.

«Пелевин сознательно работает в жанре «олитературенной галиматъи», вбирающей в себя игры с числами и вульгаризованными образами из восточных философий, которая, очевидно, издателям представляется более продаваемой».

ИЗ ПУСТОТЫ В НИКУДА

Помпа, с которой в Москве была представлена новая книга Виктора Пелевина «Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда», выпущенная «ЭКСМО» самонадеянным тиражом 150 100 экземпляров, сразу дала повод к подозрениям

Уж больно неумеренными были похвалы новым сочинениям Пелевина и слишком большим тираж, и слишком уж мал запас творческой прочности автора, что обнаружилось еще в 1996 году после выхода романа «Чапаев и Пустота». В новой книге, помимо романа «Числа», опубликованы повесть «Македонская критика французской мысли» и пять небольших рассказов – «творческий отчет» за четыре последних года. Кажется, Пелевин в этот период успел побывать в Японии – поэтому непереверенная «японщина» наполнила рассказы. Сразу скажу, что роман откровенно скучен, рассказы и того хуже, а интерес – но лишь у знатоков – может вызвать только повесть «Македонская критика...», в которой Пелевин выступает откровенным подражателем и продолжателем «Элементарных частиц» Мишеля Уэльбека, при этом зло высмеивая моду на французских постструктуралистов от Бодрийяра до Деррида.

Если повестью «Омон Ра» (1992) Пелевин сатирически отобразил фантомную природу советской реальности, а романом «Generation П» (1999) отозвался на дефолт 1998 года и постсоветскую реальность, то «Числа» – ответ на переход власти от Ельцина к Путину с сопровождающей этот переход сменой стилистики. На этот процесс отражения «социальной реальности» накладываются тяжелые поиски «художественных средств», которые из исходной идеи, в основе своей социально-сатирической, делают роман многословным и тяжеловесным. После «Чапаева и Пустоты» Пелевин несколько реабилитировался «Generation П», хотя и загубил замысел иронического плутовского романа типа «Двенадцати стульев» натульным буддийским мистицизмом, который позволил увеличить листаж и, как автору показалось, «углубить» повествование.

В «Числах» таким «углубляющим» материалом оказываются китайская «Книга перемен» и толкование смысла некоторых из 64 ее гексаграмм (сопровождающееся демонстративно «неполиткорректными» дефинициями типа: Христос – «местечковый гоблин», а также нумерологическая мистика. «Социологической» же основой, фоном является история Степана Аркадьевича Михайлова, бизнесмена, возглавляющего карманный банк,

посредством которого отмываются криминальные капиталы. Примета переходного периода – переход Степана из-под крыши двух чеченцев, страшных братьев Исы и Мусы, под крышу ФСБ, олицетворяемую капитаном Лебедкиным (который литературные корни, понятное дело, имеет в «Бесах»). «Бандиты исчезли из бизнеса, как крысы, которые куда-то уходят перед надвигающимся стихийным бедствием... Все чаще на важную стрелку с обеих сторон приезжали люди с погонами, которые как бы в шутку отдавали друг другу честь при встрече – отчего делалось неясно, можно ли вообще называть такое мероприятие стрелкой». Присутствие ФСБ тотально, они знают все и всем заправляют.

Впрочем, это именно фон, и автора он сам по себе не слишком интересует (хотя все главные знаки упомянуты: семейный бизнес, Татьяна Дьяченко, Роман Абрамович), потому что основное внимание уделено тому, что я назвал нумерологической мистикой и что является следствием невротизма Степана. Сначала невротик Степан полагает своим счастливым числом «7», но, став старшим школьником, понимает, что его число – «34», и именно описания многообразных проявлений невроза, замешанного на привязанности к «34» и страхе перед другими числами (особенно перед «43»), занимают большую часть романного пространства. Кстати, в романе 33 главы, которые названы числами.

Когда после окончания финансового института Степан оказывается во главе «Санбанка» (утомительно подробно объясняется, как это название связано с «34»), он во всей своей деятельности руководствовался числами 34 и 43. Больше всего его пугает вилка (орудие для приема пищи), поскольку она напоминает «43», и Степан переходит на китайские палочки для еды. Китайский мотив крепнет и развивается, и в «Городском клубе чайных перемен» (ГКЧП), где он пьет китайский чай, Степан знакомится с Простиславом – главным гадателем, консультантом и духовным учителем. Под его руководством Степан и узнает про «Книгу перемен» и значение числа «34» – «Мощь великого», а также про гибельное для себя число «43». Оказалось, что то, к чему он пришел интуитивно, китайцы знали с древности. Степан потрясен.

Вскоре обнаруживается и главный

антагонист Степана – директор банка «Дельта-кредит» Жора Сракандаев, чьим счастливым числом оказалось гибельное для Степы «43». Банк Сракандаева оказался полностью аналогичным банку Степана – то же отмывание денег в интересах ФСБ, в остальном же экономический близнец Сракандаев был полным Степановым антиподом.

Так автор сформировал чрезвычайно важную для себя конструкцию – единство и борьбу двух противоположностей, которые иллюстрируют один из гегелевских диалектических законов с той предельной ясностью, которую дают взаимно инверсные номера «34» и «43». Степан начинает со Сракандаевым бороться, пытается его убить из стреляющей авторучки, но оружие отказывается, и все заканчивается гомосексуальным половым актом. Забавная деталь: Сракандаев, зная, что телекамеры ФСБ фиксируют половой акт, в кадр предусмотрительно помещает портрет Путина, который наблюдает за двумя совокупляющимися директорами банков: с этим портретом в кадре чекисты не решаются показать компромат по телевидению.

Гомосексуальные игры описываются долго и нудно. Однако диалектика есть диалектика, и потому орудие убийства – стреляющая ручка, которая не сработала, когда этого хотел Степан, сработала потом, поскольку осталась у Сракандаева. И он случайно убивает себя сам, причем в самый неподходящий для Степана момент, ибо у Степана украли 35 миллионов, а Сракандаев обещает их вернуть, поскольку они попали в его банк где-то в офшорах... Чем автору интересна вся эта галиматъя, понять трудно. Может быть, объяснение заключено в инициалах САМ – Степан Аркадьевич Михайлов?

Фоном же проходят детали, которые автор не развил, хотя они гораздо интереснее. Степан задумывает телепередачу вроде «Тушите свет», вызывает специалиста Малюту, и тот придумывает двух персонажей, Зюзю и Чубайку, в диалогах которых успевает промелькнуть та суть переходного периода, о которой, собственно, и следовало бы написать роман.

Зюзя: «У российской власти, Чубайка, есть две основные функции, которые не меняются уже много-много лет. Первая – это воровать. Вторая – это душить... Когда власть

Писатель поколения «т»

слишком увлекается своей первой функцией, на душение времени не хватает, и наступает так называемая оттепель...». Чубайка: «Так что ж вы, Зюзя, воровать мешали? Не жалуйтесь теперь, что вас душат».

Мелькает и вторая мысль: либеральная буржуазия – носитель заведомо тоталитарной идеологии. «Если разобраться, весь ее либерализм сводится к тому, что трудящимся разрешено в свободное время еб...ть друг друга в ж...пу». Собственно, Степан и Сракандаев это и демонстрируют, но странно, что Пелевину интересно описание этого с точками, а не, скажем, сцен из жизни либеральной буржуазии с ее ленинско-моралью (нравственно все, что выгодно), возникшей в те времена, «когда бизнес назывался комсомолом», и объединяющей «либеральных буржуа» со старыми большевиками-ленинцами, по-прежнему находящимися на плаву. Странно, что фантазировать на темы нумерологического психоза и китайщины интереснее, чем на тему «душить-воровать», собственно, и связанную с переходом «из ниоткуда в никуда». Хотя по отдельным деталям ясно, что Пелевин гораздо сильнее в социальной сатире (см., например, описания Евтушенко, Лукаса Сапрыкина – Никаса Сафронова, Бори Маросеева и «мелкого литературного недотыком-зера»), чем в своей доморощенной

мистике. Одна сформулированная Малюткой задача медиапроекта чего стоит: «...Не разубедить телезрителя в том, что страной распоряжается компания жуликов (в настоящее время это представляется нереальным по причинам объективного характера). Задача в том, чтобы на ярких и запоминающихся примерах разъяснить, какое следует делать выражение лица, услышав разговоры на эту тему...»

Из всего можно сделать вывод о том, что Пелевин сознательно работает в жанре «олитературенной галиматъи», вбирающей в себя игры с числами и вульгаризованными образами из восточных философий, которая, очевидно, издателям представляется более продаваемой. Все социально-сатирическое остается в виде намеков-зародышей, а подробно прописывается именно галиматъя, программирующая правильное выражение лица. Это главная особенность нового романа.

Кстати, игроки с числами сразу обратят внимание на непростительную ошибку на стр. 75: число 661, вопреки тому, что утверждает автор, отнюдь не делится на 43 без остатка. Остаток там составляет 0, 37209302326. Верный знак халтуры: слишком быстро издали, не успели проверить.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

Пелевин Виктор.

28.09.03.